

Карагуш

РАССКАЗ

I

Костер догорал. Голубоватые язычки пламени, причудливо извиваясь, то исчезали, то появлялись, вновь. Горький кизячный дым тянул по степи. Данило медленно привстал, подбросил топлива. Потом вынул трубку и закурил. Поджав по-калмыцки ноги, он сидел на куче курая и задумчиво следил за игрой весело вспыхнувшего огня. С треском сыпались искры. Оранжевые отблески, колеблясь, выхватывали из ночной тьмы то часть песчаного бархана, то ствол берданки, прислоненной к вещевому мешку, то неподвижное, цвета темной бронзы лицо старика. На нем резко выделялись длинные, седые усы и густые, нависшие на глаза брови.

Долго курит Данило, вспоминая своего питомца. Из-за него-то и коротал он сейчас зимнюю ночь в этой бурунной, закаспийской глухомани.

...Давно, почитай, лет семнадцать назад, он, старший табунщик совхоза, пас лошадей на дальнем отводе. Как-то в конце мая пригнал Данило косяк маток к артезиану. На водопой. У колодца вокруг замшелых корыт — густой глинистый замес, отпечатки больших и малых копыт, запах болота. Лошади напились и одна за другой повернули обратно. Данило тронул следом. И тут послышался позади drobный нарастающий топот. Он оглянулся. Невдалеке над балкой стоит белесое облако пыли. А прямо на него карьером мчится серый аргамак. Так строчат крепкие копыта, рвут из земли чахлые кустики полыни. За развевающейся гривой в такт качается рогатая войлочная шляпа. Трепещут по ветру полосатые полы халата.

Хоть и неробкого десятка Данило — сжалось тревожно сердце. «Не банда

ли идет балкой?.. Увидел дозорный... Эх, заберут коней». Случалось тогда такое. Рыскали еще по степи шайки всяких недобитых баев. Толкнул Данило ленивого своего маштака, рысью пустил след за косяком.

— То-ох-та-а-а! — долетел гортанный окрик.

Натягивая повод, стал он в пол-оборота, а сам незаметно расстегнул ремень, которым приторочена к седлу берданка.

Всадник подлетел. Резко осадил злого, разгоряченного скачкой аргамака, приветливо улыбнулся:

— Аман-ба!

Киргиз протянул дощечкой сухую жилистую руку наездника. На скуластом, коричневом его лице сверкали ярко-белые, крупные зубы.

— Аман! Аман! — ответил Данило. Облегченно вздохнув, пожал ладонь киргиза. Постояли. Перекинулись для приличия несколькими фразами о погоде, о том о сем...

— Ты — это сопхоз? — приступил, наконец, к делу киргиз и сложенной вдвое камчой³ показал на видневшийся вдали приземистый сарай фермы.

Данило кивнул. Тогда киргиз горячо заговорил, мешая родную речь с русской. Но астраханский казак Данило родился и вырос в этих степях — он все понял.

— Слушай, джолдасар, — говорил киргиз. — Там моя табун маленькая жеребенка есть. Уч дэнь, — показал он три пальца.

— Ты бери, поджалиста. На сопхоз тартай — живой будет. Наш дорога большой, сют ек — его сопсем пропади.

Достал не спеша кисет Данило, свернул цыгарку. Предложил закурить и киргизу. Но тот вежливо отказался. Он

извлек из кармана отполированный рог-табакерку, ловко закинул за щеку щепоть зеленого табака и, часто сплевывая сквозь зубы, рассказывал. Жаловался и ругал самого себя. По его выходило, что он, Гайнула, все-таки плохой табунщик. Ему поручил председатель колхоза гнать табун молодняка на дальние выпаса. Давал в помощь старика Али. А Гайнула отказался: «Пушай сидит, греет на солнце старые кости». Взял с собой двух подростков и погнал. И вот оказалось, что просмотрел он при формировке табуна жеребую матку. А та взяла в дороге да и ожеребилась... Кобылицу не сберег Гайнула. А теперь и сосунок обречен на гибель.

— А матка куда девалась?— спросил Данило.

— Ульды, — горестно вздохнул киргиз, — парпал голова. Плохой трава кушал. Гайда! Сама смотри...— Гайнула повернул коня. Поехал за ним и Данило.

В балке, которую пересекала выбитая множеством копыт дорога, лежала лошадь. Еще издали по явно безжизненной позе Данило понял, что кобыла уже отскакала свое на этой земле. Труп вздулся. Окаменевшие ноги безобразно и нелепо торчали в стороны. Голова с оскаленными желтыми зубами далеко откинута назад. Фиолетовый остекленевший глаз отрешенно уставился в блеклое, знойное небо.

Вокруг павшей матери кружился длинноногий жеребенок. Сердясь и недоумевая, он толкал ее мордочкой, фыркал. Глядя вслед удалявшемуся табуну, тоненьким голоском ржал. Осиротелый жеребенок то порывался бежать за лошадьми, то снова возвращался к неподвижной кобыле. Проголодавшись, он пытался сосать. Наклонялся. Широко расставив точеные ножки и вертя пушистой метелкой-хвостиком, искал сосок. Но темное вымя было непривычно холодным и твердым. Жеребенок отбегал прочь, потом опять принимался тормошить матку. Увидев подъезжавших всадников, он заржал звонко и радостно. Должно быть, решил, что теперь-то поднимется лежебока и он

сможет вдоволь насосаться вкусного, теплого молока.

— Эх ты, бедолага, — покачал головой Данило.— Угораздило же тебя родиться во время перегона. Что ж нам с тобой делать?

— Бери, бери,— говорил киргиз.— На ферма тартай. Выходишь — карош жеребец будет. Папашка его — чистый карабаир. Шибко резвый. Эта тоже такой... орел, Карагуш!

Привязав сыромятным ремнем жеребенка за шею, он передал конец Даниле и легонько хлопнул малыша по крупу:

— Гайда к новой хозяйин!

Гайнула торопливо распрощался и поскакал к пылившему вдали табуну.

— Ну, пойдем, Карагуш,— буркнул в усы Данило и поволок сироту на ферму. Много хлопот он доставил табунщику. Чтобы прокормить жеребенка, Данило сдвигал ожеребившихся маток. Когда кобыльего молока не хватало, привозил из дому коровье. Разбавлял кипяченой водой, добавлял сахару и поил из рожка своего приемыша. Данило постоянно носил с собой бутылочку с соской. И Карагуш — кличка эта за жеребенком так и осталась — ходил за ним по пятам, как за матерью. Куда Данило, туда и он. Случалось, приедет табунщик по делам в контору. Карагуш ляжет у порога и терпеливо ждет. Если задержится Данило, он подскочит и начинает с громким ржанием носиться вокруг дома, заглядывая в окна и двери. Тому волея-неволей приходилось торопиться. Потешался народ над Данилой. Но он только отмахивался от шутников и ласково гладил шаршавой ладонью шелковистую шейку жавшегося к нему малыша.

Покончив с делами, он старался побыстрее уехать на пастбище. Там чувствовал себя Данило немного уверенней и легче, чем в людской сутолоке.

Принаряженная в весенний убор степь жила своей размеренной жизнью.

Воздух, настоящий ароматом чабреца и полыни, такой, что дышишь и надышаться не можешь. И в небе и на земле стон стоит от птичьего щебетанья и пения. Изредка слышится сторожкий пересвист сусликов. А вот и знакомый сурок, поселившийся невдалеке от землянки табунщиков. Вылез из норы, стал на задние лапки, передние на брюхе сложил — ни дать, ни взять — купец у своего лабаза. Благодушествует старый бездельник, радуясь солнцу, теплу, голубому чистому небу.

В густом разнотравье пестрят островки тюльпанов, колокольчиков и множество других полевых цветов. А над ними колышутся серебристые султаны ковыля. Здесь тоже жизнь бьет ключом. Безбоязненно шныряют ящерицы. Снуют трудолюбивые муравьи. Сердитым басом гудит шмель над качающимся под его тяжестью цветком. Иногда, блестя чешуей, проползет змея и свернется на пригреве, переваривая пищу после ночной охоты. А там, глядишь, журавли опустились. Токуя, водят хороводы, грациозно кружатся в брачном танце.

Издавна жил. Данило в степи и любил ее всей душой. Каждый год наблюдая за жизнью ее многочисленных обитателей, он всегда открывал для себя что-то новое. И дивился, и радовался богатству и многообразию природы.

Когда-то, в детстве, пас Данило со стариком помещичий скот. Дед научил его играть на дудке. После он сам мастерил этот нехитрый инструмент. Прожжет в камышинке отверстия, вставит в обрезанный рог — и дудка готова. Выпустит Данило табун на пастбище, сядет в сторонке. И вот уже льется, вплетаясь в птичье пение, протяжная и грустная мелодия.

На звук дудки, часто прибежал Карагуш. Обычно он носится в табуне вместе с другими жеребятами. А проголодавшись, поднимет голову и слушает. Как заиграет дудка — со всех ног мчится к Даниле. Трется возле него, носом толкается: «Доставай бутылку».

Труды табунщика не пропали даром. Карагуш рос хорошо. Не отставал

от своих сверстников. Через три года превратился он в статного жеребца темно-буланой масти с ремнем — черной полосой вдоль спины. Правду, видно, сказал киргиз — в отца Карагуш удался. Широкогрудый, поджарый, с крепкими ногами и легкой сухой головой. Резвости он был необычайной. Ни одна лошадь в округе не могла соперничать с ним в быстроте бега. Карагуш на праздничных скачках легко оставлял позади самых прославленных скакунов. Но основные качества открылись у него тогда, когда стал Карагуш косячным жеребцом.

Много лошадей повидал на своем веку Данило, но такого вожака ему встречать ни разу не приходилось.

II

Весной формировался косяк. Отобранных маток загоняли в баз. Туда же пускали назначенного жеребца. Карагуш долго расхаживал по загону; останавливался возле каждой кобылицы, обнюхивал, запоминал. Потом ворота распахивались, и он уводил маток в степь. Следом ехали табунщики. В дальнейшем их работа сводилась лишь к наблюдению, да к тому, чтобы раз в сутки раздать для подкормки фураж. Все остальное: пастьбу, перегон, охрану производил сам вожак. Целыми днями, бывало, плетет Данило уздечки, чинит сбрую, а то уйдет ставить силки на стрепетов. Хлопец, помощник, отпросившись у старшего, часто уезжал на хутор. Скучно ему в степи. И вот сидит Данило один. Мастерит что-либо, мурлыча под нос песню, а за табун спокоен. Знает, что будут лошади и накормлены и вовремя напоены. И точно: в полдень над балкой поднималось облачко пыли, слышался знакомый гул множества ног — Карагуш вел косяк на водопой. Выждав, пока лошади отдохнут и напьются, снова угонял в степь. Даже участки вожак менял самостоятельно. Подумает иной раз Данило: «Выгорела за курганом трава, да и выбита порядком... Надо бы перегнать коней в балку». Поедет. Глядь, а Карагуш уже там. Привел косяк, будто прочитал Даниловы

мысли.

Строгий жеребец был Карагуш. Ни одна матка у него не отобьется в сторону. Даже резвые непоседы-жеребята далеко не убегала. Направится на какой-нибудь кургашек посмотреть, что там. А грозный отец тут как тут. И стрелой мчится неслух обратно, распушив свой куцый хвост-метелку. Ему, глупому, невдомек, а вожак знает: вот за таким бугром и может притаиться тощая степная волчица. Хитрый зверь только и ждет, чтобы отбилась малыш от матки, отошел подальше. Нарочно даже иногда станет кататься в траве, стараясь, однако, не попадаться на глаза взрослым. Не вытерпит жеребенок, пойдет взглянуть, и волчица коварно воспользуется неумным его любопытством. Поэтому и кружит вокруг пасущегося табуна Карагуш. Чутко прислушивается, нюхает ветер. Заметив опасность, тревожным храпом дает команду. Косяк мгновенно перестраивается. Сосунки сбиваются в кучу. Матки окружают их плотной стеной, головами внутрь, напряженно подбирают задние ноги. А вожак, вытянув шею, весь распластавшись, бешено бросается на врага. В этот момент он сам превращается в зверя. Глаза горят, уши плотно прижаты, морда оскалена. И горе тому, пешему или конному, кто вздумает приблизиться к косяку. Со злобным визгом, бурей налетит жеребец. Мощной грудью он способен опрокинуть наземь незнакомого всадника вместе с лошадыю. Страшны его крепкие зубы и неотразимы молниеносные удары копыт. Случалось, поздней осенью или зимой, во время тробеневки, настигнет буран, а с ними и стая голодных волков...

Карагуш неизменно выходил победителем из этих жесточайших схваток. Остались рубцы на плече и холке... Но не один серый разбойник отлетал, бывало, с раздробленным черепом. И многие, скуля, уползали прочь, унося на шкуре отметины его кремневого копыта.

Шли годы. Старел Карагуш. Проводили на отдых Данилу. Менялись и условия в хозяйстве. Табуны

ликвидировали. Новое руководство совхоза отказалось от дедовских методов разведения лошадей. Издалека завезли племенных, чистопородных жеребцов. Холили их, держали в денниках, гулять выводили на корде. Изнеженные красавцы плыли лебедями.

Глядя на них, старые коневоды, особенно Данило, выступили в защиту Карагуша. Приводили веские доводы: потомство карабаира отличалось исключительной резвостью, крепостью, выносливостью. Но главный зоотехник, человек молодой и решительный, воспротивился: «Никаких аборигенов! Будем разводить культурные породы. А Карагуша вашего — в упряжь! И немедленно. Нечего дармоеда держать. Пусть воду на ферму возит!» Нахмурились коневоды, разошлись. Но приказ на то и приказ, чтобы его исполняли.

И вот на аркане вывели Карагуша. Сюда же, на площадь, прикатили бричку с объемистой водовозной бочкой. На обучение заслуженного жеребца, не знавшего, что такое повозка и упряжь, сбежалась смотреть половина поселка. Пришел и расстроенный, угрюмый Данило. Он неодобрительно поглядывал то на главного зоотехника, распорядившегося конюхами, то на парней, тащивших новую сбрую. Старый табунщик мучительно переживал, раздумывая, как бы избавить своего питомца от унижительной и жестокой процедуры.

Но Карагуш сам распорядился своей участью. Жеребец храпел и косил огненным взглядом, не понимая, чего от него хотят. Пятясь и приседая, он позволил подвести себя к повозке. Но когда на его гордо вскинутую, косматую голову попытались надеть хомут, он зубами вырвал его из рук и зашвырнул в толпу. Кто-то пустил в ход кнут. И произошло неожиданное. Взбешенный, испуганный Карагуш рванулся. Под ногой, хряснув, сломалась оглобля. Совсем рассвирепев, он ударом задних копыт проломил в двух местах пузатую бочку. Весь в пене, страшно храпя, Карагуш разбросал шестерых дюжих

конюхов, сделал громадный прыжок... и вдруг почувствовал, что он свободен. С обрывком повода на недоуздке Карагуш рванулся мимо шарахнувшихся людей туда, где за приземистыми постройками виднелась родная, необозримая степь. Восторженно орали и улюлюкали мальчишки. Ухмылялся в седой казацкий ус Данило. Сердился главный зоотехник. Во время свалки он благоразумно отступил в сторону и теперь кричал издалека: «Держите ж его! Ловите!»

Но охотников «держат» больше не было. Правда, два человека, схватив арканы, побежали к оседланным лошадям. Остальные, поднимаясь, смущенно потирая бока, ворчали: «Сам держи этого дьявола! Что нам жить надоело?»

А Карагуш летел, вольный как тот ветер, что ласково развеивал его волнистую гриву и длинный, густой хвост. Вот он уже чуть маячит вдаль, потом птицей мелькнул на вершине увала и скрылся.

Посланные в погоню всадники вскоре вернулись ни с чем. Снарядили еще группу табунщиков. Те проскитались в бурунах двое суток. Напали на след беглеца, но самого Карагуша найти не смогли и, махнув рукой, повернули обратно.

Ш

Несколько лет жил Карагуш отшельником. Одичал. Стал осторожен. Людей близко не подпускал. Рассказывали дальнорюкие пастухи, что изредка появляется в степи где-нибудь на кургане неподвижный силуэт лошади. Но, заметив человека, мигом исчезнет, словно растворится в зыбком мареве. Потом Карагуш, не надеясь, видимо, больше на быстроту своих ног, все чаще стал применять другой способ скрываться. Только увидит всадника — ложится под первый попавшийся куст бурьяна, и лежит неподвижно, как убитый. Масть песочного цвета и побуревшая на солнце грива так сливаются с окружающей местностью,

что проедешь в пяти шагах — не различишь.

Первое время, весной, когда бурлила еще кровь и могучий инстинкт заставлял искать подруг, давал о себе знать Карагуш. Рано утром налетит на водопой, куда пригоняют поить рабочих лошадей — визг, ржание, топот... Карагуш отбивает с десятков кобыл и, больно кусая, галопом угоняет в степь. Пока уляжется пыль и обалдевший, заспанный конюх придет в себя, его и след простыл. Неделями рыщут потом верховые в бурунах, отыскивая косяк и клыня на чем свет стоит косматого разбойника. Но с годами дряхлел жеребец, становился апатичным и, наконец, прекратил набеги на совхозных коней. Люди о нем забыли. Только один старик нет-нет, да и пойдет на участок, где обычно бродил Карагуш. Это был Данило. Путь его всегда лежал на дальний отвод. Там Карагуш резвился стригуном-жеребенком, там водил свой первый косяк. До поздней осени по балкам отвода зеленела трава, а в глухой лощинке бил родничок и собиралась в ставок вода. Где же еще, как не в тех диких местах коротать жожаку свою старость.

Знал Данило — мудрено сыскать Карагуша. Он и не пытался делать это. Старый табунщик садился на пригорок, доставал камышовую дудку, вставленную в рог, и медленно плыла, разливалась вокруг незатейливая мелодия. Через некоторое время слышался характерный похрап и за одним из наносных барханов показывалась взъерошенная голова Карагуша. Постояв, жеребец с тихим ржанием подходил к хозяину. Данило ласково гладил кругую, мускулистую шею, расчесывал, очищал от репьев спутанную гриву и разговаривал, как с человеком. Вынув из кармана несколько замурзанных кусочков сахара, старик на ладони давал ему с детства любимое лакомство. Карагуш брал мягкими губами и хрустел, прикрыв от удовольствия глаза. Он так и остался сластеной.

Потом они долго стоят на кургане. Данило пыхает трубкой и молча глядит

на заходящий темно-лиловый диск солнца. А Карагуш дремлет, понурился: ресницы опущены, нижняя губа отвисла — совсем постарел вожак. Лишь изредка поведет чутким ухом, ловя по привычке малейший шорох.

День-другой поживет в том месте Данило. Подправит родничок, положит кусок соли-лизунца, специально принесенный из дому, посмотрит выпас и отправляется в обратный путь. Далеко провожает его Карагуш. Идет потихоньку следом. Но чем ближе к оживленным участкам совхоза, тем беспокойней становится жеребец. Настораживается, прядает ушами, завидев вдалеке чабанскую арбу или верблюжью упряжку. Наконец, на каком-то, лишь ему ведомом рубеже, останавливается. Дальше шагает Данило один, часто оглядываясь на замерший, точно каменное изваяние силуэт лошади.

С наступлением холодов трудно было добывать корм. Толстым льдом покрывался ставок. Голод заставлял отшельника покидать излюбленный тихий участок. Осторожно шел Карагуш к поселку. Однако к жилью подходить не решался. Таился за дальними скирдами сена. Тут его обычно и находил Данило. Без всяких церемоний надевал уздечку, садился верхом и охлюпкой ехал домой. И Карагуш безропотно подчинялся Даниле — единственному человеку, которого он любил и признавал своим хозяином.

Саманный курень Данилы — на окраине. Здесь жеребца никто не беспокоил, и он спокойно зимовал в базу под навесом. Кроме сена, что заготавливал старик для жеребца и калмыцкой своей коровенки, главный зоотехник, смилостивившись, выписывал немного овса «персональному пенсионеру», как он величал Карагуша. Причем всякий раз удивлялся. «Как? Он еще не подох?» Данило брал накладную и молча уходил. Баловал его старик и отрубями, несмотря на негодование своей дородной супруги — женщины скупой и не в меру сварливой.

Зиму отдыхал Карагуш. А как

только сойдет снег и зазеленеет трава, уходил. Неохотно расставался с ним Данило, пытался задержать, но перебороть свободолюбивую натуру жеребца не мог. Карагуш метался по базу и ржал до тех пор, пока старик, вздохнув, не открывал ворота. И вожак мчался, со всех ног навстречу ветру, несшему волнуемый аромат ожившей степи.

Так повторялось из года в год. А сейчас, хотя давно минули все сроки, Карагуш не появлялся. Декабрь выдался сухой, бесснежный. Кое-где после осенних дождей пошла в рост трава. Этим сперва пытался Данило объяснить задержку бродяги. Но подули резкие, холодные ветры, неся тучи песка, ударили морозы. Пожухла всякая растительность — какая уж тут пастьба!

Пригнали из бурунов гурты, давно стали на зимовку даже отары овец, кочевавшие всегда дольше всех по степи. Одного Карагуша не было. Не видел его никто и возле скирд сена, стоявших вдали.

Забеспокоился старый табунщик. Целыми днями ходил он по фермам, расспрашивал чабанов, шоферов, гуртоправов. И слышал везде отрицательный ответ: «Нет», «Не видали», «Не знаем». Тогда Данило решительно засобиравшись в дальнюю дорогу. Заказал старухе приготовить харчей на неделю. А сам принялся чистить берданку. Протер, уложил в сумку патроны, облупленный цейсовский бинокль, принесенный еще с гражданской войны.

— Ты, дед, чисто умом тронулся на старости лет, — ворчала, возясь у печи, жена. — Ну, куда тебя нелегкая понесет середь зимы? И хотя бы за делом, а то... Дался ему этот жеребец! Небось, зайвится идол кошлатый. Черти его, прости господи, не возьмут.

— Молчи! Много ты понимаешь, гусыня старая, — сердито отвечал Данило. — Хлеба буханку положи, остальной на сухари высуши.

Примостившись на скамье, он при свете керосиновой лампы наспех сшивал дратвой уздечку. В полночь сборы были закончены, а чуть стало светать, Данило

ушел. Побывал он и на дальнем отводе — постоянном обиталище жеребца. И все прилегающие балки и буруны обшарил — Карагуш словно в воду канул.

IV

Сидя у догоравшего костра, встречал пятый рассвет Данило. Решил старик дойти до Большого артезиана. То был самый отдаленный угол совхозных земель. Зимовали там две валушиных отары. Если возле их скирд не застрял Карагуш, надо поворачивать обратно. Потому — дальше идут такие пески, что туда даже сайгаки не ходят.

На востоке чуть заалела полоска неба. Но сразу же горизонт на всю ширь затянуло тучами — мохнатыми, темными, с белой опушкой по краям. Поднялся старый табунщик. Затушил по привычке тлевший костер, закинул за плечи вещевой мешок, берданку и побрел.

Идет Данило. От балки до балки, от увала к увалу. Под ногами то твердые, избитые стадами солонцы, то зыбучие наносы песка. А вокруг насколько хватает глаз словно застыло взбаламученное штормом море. Буруны...

Перед вечером посыпал снежок. Степь побелела. Прибавил шагу Данило. Вскоре потянуло дымом, блеснул огонек, басовито забрехали собаки. Показалась кошара. В сгустившихся сумерках едва различимо вырисовывались низкие, крытые камышом строения, сложенный из кизяка баз, приземистый чабанский домик. Почуяв рядом чужого, пуще прежнего залились кудлатые псы, бросились сворой навстречу. Из дома вышел человек, прикрикнул на собак, взгляделся. — Кого это по ночам носит? Никак ты, Данило Кузьмич? Ну, заходи в хату. Гостем будешь... Да, цыц вы, окаянные! Эк разошлись...

Данило поздоровался, шагнул в двери. Пахнуло теплом, домашним уютom, по которому уже соскучился старик за время скитаний.

Радужно принятый чабанами, Данило отогрелся, сытно поужинал.

Потом, подсев к печке, и набивая трубку табаком, спросил:

— А что, Степан Петрович, не встречал ли ты где моего бродягу? Давно пора ему быть дома, а вот не пришел до-се.

— Нет, Кузьмич, не попадался,— покачал головой чабан. — Может, вы, хлопцы, видали Карагуша?

Помощники тоже ответили отрицательно.

— Значит, не заходил в наши края,— продолжал чабан.— Уж мы б заметили. Сайгаков два стада прошло недавно. Пара верблюдов шаталась — из калмыцкого хутуна, должно, заявили, а жеребца не было.

— Жеребца?— оживился один из подпасков, недавно поступивший в совхоз,— так бы вам и сказать. Жеребца я видел.

— Когда? — Данило, забыв раскурить свою трубку, подался всем телом к парню.

— Да сегодня, перед вечером. Послал меня Петрович за сеном для хурды. Подъехал, в аккурат, Митька с Лазаренкиной кошары — там у нас скирда на двоих. Нагружаю со своего прикладка, вижу, стоит на бугре... Масть не разглядел — далеко дюже. Я еще кричу Митьке: «Это не ваш конь блукает?» Митька посмотрел: «Не,— говорит,— это беглый жеребец с конефермы. В бурунах скитался, а теперь, видать, к дому правится».

— Куда он пошел? В какую сторону? — нетерпеливо расспрашивал Данило.

— Да я же говорю — туда,— парень показал рукой в сторону совхоза.— Через бугор перевалил и больше не появлялся.

— Вон, значит, черти куда его занесли,— повернулся к чабану повеселевший Данило.— Понял, Степан?

— Чего уж не понять! На отводе трава посохла, он и потянул дальше. Там у Лазаренки в низинке еще держался житняк, тонконог. Ну, и ушлая ж скотина! Хорошо, хоть один шастает. А будь у него, как раньше, табун — он и

табун бы сюда припер. Попас бы тогда своих валухов Лазаренко...

Крепко спал в ту ночь Данило. Хорошо отдохнул. Утром, наспех позавтракав с чабанами, стал собираться.

— Не ходил бы ты Данило Кузьмич, — отговаривал старший чабан. — Мыслимое ли дело — в твои годы отшагать добрую сотню верст. Передохни денек, а завтра машина с солью придет, на ней и уедешь. Никуда твой жеребец не денется. Раз домой направился, явится.

— Нет, я лучше пойду, — отвечал Данило, — чего уж дожидаться. А найду Карагуша — верхом поеду.

— Дело хозяйское. Только я бы не советовал. Нехорошо в степи зараз... Волки течкой пошли. Неровен час наткнешься — беды наживешь.

— Никакой беды не будет. Патроны у меня с картечью...

— Так-то оно так... Да стая дюже большая. Должно, с трех выводков сбежались, проклятые. И энтот, белый вожак среди них.

— Что в прошлом году твою кобылу?..

— Во-во! Он, сволочь! Я разглядел — подходили к нам как-то.

— Нашкодили?

— Пока бог миловал. Не проспали хлопцы, шугнули. Они всю ночь вон на тех бурунах выли. Развиднелось, гляжу — потянули к Лазаренко. Там, говорят, поджились. Телка-годовичка у него в степи ходила — сожрали.

— Доберусь в совхоз — пойду к директору. Облаву надо, а то наделают делов.

— Это само собой... Все ж ты б поостерегся, Кузьмич.

— Толкуй! Что я маленький?

V

Распрощавшись с чабанами, Данило бодро зашагал обратно. Но теперь маршрут свой он несколько изменил. Пошел наискось, по направлению к участку чабана Лазаренко, уверенный, что быстро найдет следы Карагуша. А

там, глядишь, и сам бродяга попадет. Но час, другой, третий идет Данило, а вокруг все та же, безжизненная, припорошенная снегом пустыня. Время от времени подносил он к глазам бинокль, шарил по горизонту, но степь словно вымерла: нигде ничего живого. Только раз увидел ровную строчку меж чахлых кустов бурьяна: пробежал мышковать корсак.

После полудня перевалил Данило через пологий бугор и, заметив оббитый прошлогодний стог сена, направился к нему. Решил отдохнуть, перекусить, а заодно и подумать, как продолжать поиски. Приблизился к стогу и замер. Радостно забило сердце старого табунщика. Из ложбинки тянулись следы, которые он отличил бы от сотен других. Вот отпечатались ровные полукружья передних копыт... и правую заднюю выносит чуть в сторону. — Он! Карагуш...

Данило внимательно осмотрелся. Возле стога по навозу и примятому, не засыпанному снегом пятну определил, что жеребец тут кормился и ночевал. Совсем недавно пошел дальше.

Забыв про усталость, кинулся Данило по следам. Теперь глядя на землю, он ясно представлял себе не только направление, но и поведение, даже настроение лошади. Вот шел Карагуш медленно, по-стариковски. Снежку полизал, бурьянку щипнул, — не голодный, так просто. Вишь — пожевал и выплюнул. Вот стоял, топтался. Раздумывал, небось, домой идти или еще пошататься. Ага! Рысью ударился. Понял, каналья, что явно тут не мед. Постой, постой, чего это он? В галоп сорвался... Вон как глубоко врезались в землю края передних копыт... Ну да — наметом летел. Лошадь в таком возрасте зря не побежит. Похоже — испугал его кто-то.

Так рассуждал Данило, изучая путь Карагуша, и чем дальше он продвигался, тем сумрачней становилось его лицо. Данило часто останавливался и напряженно осматривал ближние холмы, пытаясь разгадать причину странного

поведения жеребца. Сомнения не было, с ним творилось что-то неладное. Ведь Карагуш — не жеребенок-стригун. Резвиться ему не к чему. А он вместо того, чтобы идти по прямой, вдруг ни с того, ни с сего круто свернул и взлетел на курган.

Тут резко развернулся и долго стоял неподвижно. Прислушивался, ловил носом ветер. Ишь, заволновался, поскреб копытом. Снова взял с места в галоп — вон как далеко отшвырнул комья. Спустился Данило с кургана, прошел еще с километр и понял, какую опасность почуял Карагуш. Из балки тянулось множество волчьих следов. На равнине цепь разомкнулась вправо и влево, образовав дугу. От центра ее глубоко, до земли прострочила снег прерывистая прямая — отпечатки копыт карьером уходившей лошади.

Теперь без труда разгадал Данило и замысел волков. Стая пыталась незаметно обойти жеребца с наветренной стороны. Но Карагуш обнаружил зверей раньше, чем они успели сделать это. Тогда волки, приняв свой излюбленный строй, пустились в погоню. И началось страшное состязание на быстроту и выносливость. Данило похолодел. Случись этакое лет десять назад, возле табуна — можно было не сомневаться в исходе схватки. Но сейчас... Старый, одинокий жеребец, да и силы не те. А их вон сколько! Данило пытался по густо истоптанному снегу определить численность стаи, но точно сосчитать не мог. Одно понял: это как раз те волки, о которых говорил чабан.

«Эх, только бы успеть!» — он сорвал с плеча ружье и почти побежал. Долго то шел, то трусил рысью по степи. Наконец, стало неважно. Остановился Данило. Перевел дух. Потом снял мешок и вынул из него сало, хлеб, котелок и другие вещи. Оставил лишь табак и спички. Патроны рассовал по карманам. Снова пошел, дыша резко, как запаленный конь. О себе он не думал. Все помыслы его были о том, чтобы добежать вовремя к месту побоища и выручить, спасти своего любимца. Рука у Данилы

твердая, патронов много («На всех, на вас, проклятых, хватит!»). А кроме того, остается еще окованный приклад берданки да длинный охотничий нож на поясе.

Вогнутая, словно чаша, равнина кончилась. Опять начались балки, увалы. Все трудней идти Даниле. Но вот, преодолев очередной подъем, заметил старик далеко-далеко внизу, в ложбинке, какое-то движение, колеблющееся темное пятно. Глянул Данило в бинокль и вдруг почувствовал, как задрожали и сделались будто ватными ноги: «Настигли-таки!» На ровной, широкой площадке, меж двух островерхих курганов, жеребец в одиночку, бился с волками. Верный «цейс» с беспощадной ясностью приблизил, поле боя. На глазах у Данилы стая сомкнула кольцо. Распаленные азартом погони, несколько волков, видимо, молодых, бросились с ходу. И сразу же поплатились за безрассудство. Мгновенный удар передней ногой, почти одновременно задней... И вот уже один из нападавших летит кубарем, другой, тщетно пытаясь подняться, ползет по снегу, пятная его своей кровью.

Остальные, более опытные, лежа и сидя расположились вокруг. Не спуская горящих глаз с загнанной жертвы, отдыхают, глотают голодную слюну, быстро дергая высунутыми языками. Карагуш в середине круга. Он поводит взмокшими боками. Грива дыбом. Мощную шею согнул в кольцо, низко опущенной головой прикрыв горло. Ему не до отдыха. Жеребец весь, как сжатая пружина, готов в любую минуту развернуться и встретить бросок хищника точным, неотразимым ударом.

Теряя терпение, стая возобновила атаку. И опять понесла урон. Карагуш тоже был ранен: на крупе и плече палевая шерсть его потемнела от крови. Но он по-прежнему стоял твердо, как скала, всем своим видом выражая решимость биться до конца. Ближе всех к нему, почти у самой морды, неподвижно лежал волк, заметно превосходящий ростом своих сородичей и отличающийся необычной

светло-серой окраской. В нем Данило признал старого, седого жоака, давно промышлявшего в бурунах. Ему-то и дали пастухи кличку «Белый». Чуть правее замерла волчица. Эта пара не бросалась, как другие. Лежали себе и, казалось, совсем безучастно следили за ходом битвы. Но Данило хорошо знал, что, их-то больше всего следует опасаться Карагушу. Не просто они лежат, а выжидают момент для решительного прыжка.

Вскинул старик берданку, разрядил в воздух. Детской хлопущей треснул выстрел, и звук его тут же затерялся в барханах. «Далеко, не услышат,— промелькнуло в голове Данилы, — отсюда не отпугнешь. Надо бежать».

На ходу перезаряжая, побежал напрямик старый табунщик. Он задыхался. Жаркий пот градом катился из-под шапки, щипал глаза. А сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Но Данило все бежал, напрягая последние силы. «Держись, Карагуш!» Держись, дорогой! Ну, еще немного, хоть с полчаса!», — мысленно взывал он к своему питомцу. Казалось Даниле, что бежит быстро. А на самом деле, он уже еле брел, спотыкаясь и с трудом переставляя ноги, застревавшие в наносном, присыпанном снегом песке. Вдруг точно кто толкнул спереди Данилу. Он остановился. С хрипом втягивая раскрытым ртом воздух, нашарил болтавшийся бинокль, поднес к глазам. Сперва ничего не мог разобрать, а когда, всмотрелся, понял — не успеть. Карагуш по-прежнему стоял в кольце. Звери возбужденно ходили, готовясь к очередному наскоку. Но не глупый молодняк беспокоил Данилу. Все внимание, свое он сосредоточил на матером жоаке и волчице. Приближался самый решающий момент. Вот медленно поползла волчица, стороной обходя Карагуша. Подобрался, готовясь к прыжку, жоак. Видел Данило, как сбоку метнулась серая тень, и рванулся навстречу ей жеребец... Волчица, злобно щелкая зубами, отскочила. Бросок ее не

достиг цели. Но она на какой-то неуловимый миг отвлекла Карагуша. Этого времени седому жоаку оказалось достаточно. Точно рассчитанным молниеносным прыжком он взлетел почти на гриву лошади. Карагуш, резко нагнув голову, прикрыл горло и стряхнул жоака. Но, падая, тот успел полоснуть клыком по упругой мускулистой шее. Из страшной, зияющей раны за ухом ручьем хлынула кровь. Волки, рыча, отошли. Жеребец был неподвижен. Грудь его заблестела, а у передних ног снег начал быстро темнеть. И по мере того, как расширялась дымящаяся лужа, все ниже и ниже клонилась голова Карагуша. Он хотел шагнуть, покачнулся и медленно опустился на колени...

«Эх, Карагуш, Карагуш...», — прошептал Данило. Старый табунщик отшвырнул берданку, сел на землю и, закрыв лицо руками, заплакал.

Он уже не видел того, как волки, все, сколько их было, накинулись на свою жертву и принялись рвать и терзать еще живое, трепещущее тело.